

Битов. Он пишет о том, что не умирает. И если он снова называет в тебе свободу, значит, она в тебе есть. Битов — тайник русской классической «тайной свободы».

«Ты твердишь о гибели русской культуры. Наоборот! Она только что возникла. Революция не разрушит прошлое, она остановит его за своими плечами. Все погубило — именно сейчас родилась классическая русская культура, теперь уже навсегда», — говорит герой романа «Пушкинский дом». Говорит то, что думает его читатель.

Андрей Бычков.

— Андрей Георгиевич, вот, казалось бы, сейчас разрешено все. Но разве можно в принципе разрешить свободу?

— Мир, особенно русский, обуреваем все время тотальными решениями. «Можно все разрешить». Вот только придет ли правильное решение? «Все можно разрешить» — на самом деле это остатки прежних тоталитарных отношений. И ничего так раз-

назвать Парком нашей культуры. И в этот гиньоль водить за рубли и за доллары. Но только уничтожать ничего не надо.

Если очищать культурное пространство, то нельзя делать вид, что нас вчера не было. Нельзя объявлять себе невинность.

Все это, конечно, мелкие, рабочие идеи, а я не деятельный, наверное, человек и отучен от практики, я ощущаю, кстати, это как свой порок. А потом у меня недостаточно гражданской воспитанности, чтобы снова начинать, я слишком долго прожил во внутреннем подполье, и поэтому у меня атрофировано правовое чувство. Это тоже мой порок. Порок такого подпольного человека. Все же каждый должен заниматься своим делом. Я, к сожалению, хоть это и не Бог весть что, но лучше всего, наверное, пишу. И вот это оказалось за последние пять лет труднее всего — при всех открывшихся возможностях.

Как подтвердить свою собственную

маю, что страшное утомление, которое создается какой-то злой силой в нашем быту, искусно работает еще и потому, что мы стопроцентно принимаем его. Принимаем эту очередь, принимаем этот дефицит. Это нам сразу разрешает расслабиться, пожаловаться... Ну, а может быть, надо шепотом скрутить тем, кто это организует? А мы уходим в пассивность, закуриваем... Теперь вот уже и закурит нечего.

А насчет того, как сохранить и не потерять, меня всегда удивляла внезапная приверженность прежним структурам, которые мы сейчас пытаемся покинуть, наших как бы патриотов — людей ностальгических, любящих все традиционное, патриархальное. Но тоже люблю патриархальное. Но почему оно у них ассоциируется и с нашим печальным до недавней поры временем?

Все это мне долгое время было совершенно непонятно, ибо то, что сейчас разваливается, как раз и уничто-

мск. новости - 1990 - 11 ноября - с. 14.

КАК ПОДТВЕРДИТЬ СВОЮ СВОБОДУ В ОСВОБОЖДАЮЩЕМСЯ МИРЕ

Беседа с Андреем БИТОВЫМ

решить нельзя. Волевым решением, по-видимому, должно быть применено только к самому себе.

Раньше свобода — а вне этой категории я как бы и не существовал — была отвоевана внутри себя, для себя, вопреки всему и так далее. Теперь свою свободу нужно обрести в более общей идее свободы, идее социального какого-то плана. Но опять же для себя она в том же качестве. В общем, борьба обернулась своей отрицательной стороной. А опыта солидарности нет никакого.

— Вы говорили о свободе для себя и о том, что сейчас ее надо обрести в более общей идее свободы. Но как?

— Я всегда считал, что это не мое дело — придумывать, как правильно торговать или как правильно разоблачать Сталина. Но тут и у меня стали возникать парадоксальные решения — смешные, живые, свободные. Ну, скажем, все носились с Мемориалом, а я видел: с одной стороны, хорошо, а с другой — зачем опять такой же памятник, какой был отлит и Ленину, и Сталину, и Сталинградской битве, зачем еще такой же памятник жертвам? Потому что, по-блоковски, я вполне за ту старушку: сколько можно было спать портянок из этих знамен. И я думаю, что вот замечательная идея — сэкономить огромные деньги, потому что памятник этот стоит уже. Он стоит на Красной площади. И это — мавзолей. Надо, с другой стороны, похоронить Ленина, продать его земле, говорят, это даже совпадало с его волей, что меня не так занимает. Но вот этот мавзолей и есть Мемориал. Он все-таки был сделан культурным человеком Шусевым. И при всех своих египетских ужасах он вписан в ансамбль. А если этого мало, то надо вырыть в нем глубокую шахту, сделать бархатный барьерчик, чтобы человек проходил и нюхал этот зев земной, смертный и отходил, и задумывался над бездной.

Когда-то, еще во времена хрущевской оттепели, я думал, что тоталитарные памятники, изуродовавшие наши площади и скверы, всю нашу историю, выбрасывать не надо, а надо свезти все это в пустыню. Пока я не увидел пустыню и не понял, что это такая красота, которую нельзя портить. Но потом все-таки увидел места, которые, видимо, никогда не возродятся. Это пустыня, созданный человеком, экологическая пропасть: где-то под Баку целые полчища заброшенных нефтяных качалок, аж до горизонта. Вот там бы и сделать гайд-парк из пионеров, лыжников, сталинских. Недавно, кстати, в Китае раскопали армию глиняную, погребальный эскорт какого-то императора. Вот такую же армию памятников наших поставить и

свободу в освобождающемся мире? Сознавая себя на протяжении долгих лет относительно свободным человеком, за эти пять я все время ощущаю проявления в себе раба. И совсем не потому, что я чего-то боюсь. Если Чехов по капле выдавливал из себя раба, то тут пот стурится по лбу. Мне бы надо какое-то новое подполье, что ли, себе придумать, вовремя самому себе что-то надо сказать успеть. Потому что только тогда это дойдет и до других людей. Я думаю, что и весь народ очень утомлен. А власти все явно запутывали, даже водку и ту нарочно плохо продавали. И человек вместо облегчения испытывал только затруднения. А сейчас на утомление положили еще одно утомление. Вместо веселого, пусть и голодного человека, которого можно было бы себе вообразить, видишь, что мы живем все же не совсем еще голодно, но совсем уже не весело.

— А как реализовать сегодня внешнюю свободу, не потеряв внутреннюю?

— Сохранить свежесть ланит и опыт любви — это довольно сложная технология. Наверное, это невозможно. Возраст над нами властвует гораздо больше, чем сталь. Плохо, когда система умножает наш возраст. Она, с одной стороны, задерживает нас в детстве, с другой — создает преждевременных стариков. Переход из детства в старость для советского человека стремителен, в чем, кстати, и выражается, по-моему, наше время. Наша апатия — это же пропуск зрелого, созидательного периода.

Я никогда не считал, что у нас не было свободы. Свобода была, но как бы отрицательная, как бы отвоеванная у враждебного устройства, у враждебного существа. Это была во многом свобода раба, свобода подонка, свобода разложения. Это тоже свобода. На Западе вы нигде не найдете таких свобод, чтобы опускаться, какие были у нас. Там очень несвободный мир. Так что поменять свободу раба на рабство свободы, существующее в демократическом мире, для нас все равно что поменять шило на мыло. Но надо хотя бы согласиться с мыслью о том, что раз там пожили так, давайте и здесь попробуем пожить так.

Мне очень не нравится трусливость, которая выработалась в людях за счет проживания то в подполье, то в кажущейся борьбе, то в безделье. Нам ведь действительно нечего терять. Об этом не так давно сказал Жванецкий: за что вы держитесь, осмелитесь. Но осмелитесь-то надо самому. Осмелитесь на то, что ты себя можешь в какой-то мере переделать. На то, что все-таки можешь справиться и с собой, и с делом, с назначением, с трудом. Я ду-

жило вековую нашу патриархальность. Я долго не мог понять это противоречие. Я видел в этом просто непоследовательность или темноту. Но потом я понял, что действительный конец патриархальности наступает именно сейчас. Все эти 70 лет мы и просуществовали за счет патриархальности. Эти 70 лет были абсолютно несозидательными. Ничего создать эта система не смогла. Она только эксплуатировала предыдущие институты: веру — даже в КГБ от вас требовали исповеди; крестьянство — тем, что переворачивала его в раба. То есть именно наша система износила патриархальность. И возобновление национальное, конечно же, не в возобновлении методов этой системы, это надо понять. А думать, что вместе с коммунистической идеей исчезают остатки народности, — это ошибка. Коммунистическая идея уничтожила идею народности.

— А как же нам быть в наступающую постпатриархальную эпоху? Такой вот гамлетовский вопрос.

— Я был бы последним человеком, если бы сказал, что знаю, как нам быть. Я пытаюсь понять, как быть одному. Не мне одному, а человеку как личности. Но, по-видимому, это и есть какая-то вполне литературная задача. Но каким образом перевести ее в сюжет, я не знаю пока. То есть я сделал какие-то выводы, но перевести этот опыт в сюжет будут более молодые люди, которые как бы совпали исторически с сопереживанием этого сюжета, для которых это время — present continuous, не столь связанное с прошлым, как мое.

— Но нельзя ли все же и людям более старшего возраста попробовать забыть себя, свою растерянность, утомленность и попытаться начать новую жизнь, освоить этот новый сюжет?

— Да жизнь-то все равно надо уметь свою прожить. Она просто как бы иначе прочитывается. Надо ее прочитать в новых условиях. Никакую новую — не дай Бог. Нужно самого себя перевести, как переводят с иностранного языка. Не для того чтобы стать понятным, не для того чтобы кого-то за собой поманить, а для того чтобы совпасть, обрести реальность — в таком буддистском смысле слова. Не побеждать, задрав штаны, за передовой идеей, а почувствовать это время как свое. И не потому, что оно мне нравится, а потому, что я и время — нераздельные вещи. В этом усилении, как ни странно, и вся страна находится.

Но все же главная идея такая: каждый должен заниматься тем, что он может делать лучше всего, то есть продолжать.